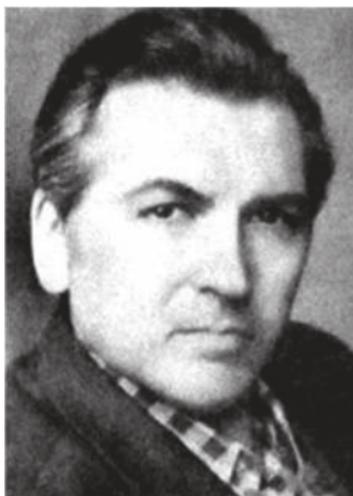

О ленинградской блокаде, о том, что пришлось пережить героическим защитникам и жителям города, написано множество стихотворений и поэм. Но есть одна книга, которая в молодости произвела на меня прямо-таки потрясающее впечатление. Она так и называется «Блокада». Автор Юрий Воронов.

В 1968 году в книжном магазине Благовещенска, где тогда жил, я купил небольшой поэтический сборник, так называемого карманного формата, на обложке которого резкими чёрными буквами на багровом фоне было как бы врезано название: «Блокада». Имя Юрия Воронова, автора книги, ничего не говорило: по крайней мере, среди известных тогда оно не значился. И вдруг на одной из первых страниц – пронзительные, выстраданные, честные до боли (да много ещё можно привести подобных определений!) стихи:

*В блокадных днях // Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством // Где черта?..
Нам в сорок третьем // Выдали медали
И только в сорок пятом – // Паспорта.*

*И в этом нет беды. // Но взрослым людям,
Уже прожившим многие года, // Вдруг страшно оттого,
Что мы не будем // Ни старше, ни взрослее, // Чем тогда.*

Стихотворение в буквальном смысле меня поразило своей простотой и мужественной правдой, запомнилось после первого же прочтения. Без особо ярких образов и метафор, написанное чуть ли не будничными словами, оно своей строгостью и значимостью чем-то походило на скромный солдатский обелиск, у которого важна не внешняя сторона, а сама суть – в память о ком и для кого он поставлен. Юрий Воронов создал свой поэтический памятник ленинградской блокаде, все девятьсот дней которой сам пережил в осаждённом врагами городе.

Книгу я прочитал, как говорится, залпом. Многие стихотворения запомнились сразу, другие, оставшись в памяти отдельными строками, через какое-то время звали вновь вернуться к сборнику. По «Блокаде» я сделал передачу «Десять минут поэзии» на благовещенском телевидении. С тех пор книга заняла прочное место на полке в моей библиотеке, где стоят стихотворные сборники частого пользования, то есть те, к которым я обращаюсь постоянно, которые мне необходимы также, как, скажем, воздух, вода, хлеб.

Юрию Воронову было двенадцать лет, когда началась Великая Отечественная война. В тринадцать, уже во время блокады, он вступил в комсомол. Вместе со своими товарищами помогал ленинградцам пережить страшное военное время, входил в состав так называемого бытового отряда комсомольцев. Многие годы спустя поэт рассказал об этом в стихотворениях. Одно из них называется «Клюква»:

*Нас шатает. // Была работа: // Всё на корточках –
По болоту. // Только вечером, // Перед сном,
В детском доме // Больным ребятам // Клюкву выдали.
Спецнаком. // По семнадцати штук // На брата.*

В 1943 году после прорыва блокады четырнадцатилетнему подростку вручили медаль «За оборону Ленинграда». Так что процитированные строки «Нам в сорок третьем выдали медали и

только в сорок пятом – паспорта» – совсем не литературный домысел, а достоверный факт биографии поэта.

Первые стихи Юрий Воронов тоже написал в осаждённом Ленинграде. Некоторые из них помещены в книге под названием «Из первой тетрадки».

Что волновало подростка в те тревожные дни, что становилось поэзией?

*Помертвело стоят дома. // Далек
В мутном небе звёзды. // Рядом –
Только густой туман // И пропитанный болью // Воздух.*

Интересно, что впервые его стихотворение было напечатано в победном 1945 году в ленинградской газете «Вагостроитель». Потом они не печатались почти двадцать лет.

После войны Юрий Воронов окончил отделение журналистики Ленинградского университета, был секретарём областного комитета ВЛКСМ, редактором молодёжной газеты «Смена», а затем главным редактором «Комсомольской правды», ответсекретарём «Правды». Долгое время работал журналистом за рубежом. А стихи всё это время вызревали, накапливались в сознании и сердце. В 1965 году в журнале «Знамя» бы опубликован цикл его стихотворений «Блокадные записи». С того времени Юрий Воронов перешёл к активной поэтической работе, результатом которой стала его первая книга «Сила жизни», а потом и «Блокада», принесящая поэту известность. После он издал ещё несколько книг, стержнем которых были опять-таки стихи о военном детстве, о пережитом и выстраданном.

Накануне 40-летия Победы в 1985 году «Лениздат» выпустил четвёртое, дополненное издание «Блокады». Я приобрёл книгу, и вновь нашёл в сборнике навсегда впечатавшиеся в память строки:

*Мы вышли // Из блокадных дней
Суровой, строже, суше. // Сердца ж
Не стали холодней, // Черствей // Не стали души.*

Тогда я уже жил в Белгороде. Написал о сборнике небольшую рецензию, назвав её «Памятью и сердцем», для областной молодёжной газеты «Ленинская смена» и, осмелившись, послал публикацию Юрию Воронову, который к тому времени стал главным редактором столичного журнала «Знамя».

Через какое-то время – пакет из Москвы. В нём – «Блокада» с дарственной надписью, буклет о творчестве, тоже с автографом, и письмо. Юрий Петрович благодарил за публикацию, писал, что

в Центральном доме литераторов прошёл его творческий вечер, пригласал, когда буду в Москве, заходить в «Знамя».

В столице я оказался осенью того же года. Редакция «Знамени» тогда ещё располагалась в старинном особняке на Тверском бульваре, рядом с Литературным институтом им. М. Горького. Переступил порог редакции не без робости, вошёл в кабинет главного редактора – с трепетом: встретиться с поэтом, стихи которого запали в душу, – незабываемо!

Юрий Петрович расспрашивал о Белгороде, о житье-бытье, о творчестве, а когда узнал, что несколько лет назад мои стихи печатались в «Знамени» (тогда я ещё работал на строительстве Байкало-Амурской магистрали), сказал: «Ну, значит ты наш автор. Присылай стихи. Посмотрим». Потом он познакомил меня с заведующей отделом поэзии поэтессой Ольгой Ермолаевой, стихи которой я тоже читал. Она оказалась дальневосточницей – моей землячкой. Но, увы, дальнейшее сотрудничество с журналом не сложилось. Через какое-то время Юрия Воронова назначили заведующим отделом культуры ЦК КПСС, потом (1988–1990 гг.), он был главным редактором «Литературной газеты», а я почему-то не рискнул попробовать продолжить наше знакомство.

Он ушёл из жизни 2 февраля 1993 года: в какой-то газете я прочитал некролог. В нём, в частности, говорилось: «...после тяжёлой, продолжительной болезни». Тогда я подумал: трагедия наверняка – следствие блокады.

*Нам сёстры, если рядом не бомбят,
По вечерам желают «доброй ночи».
Но «с добрым утром» здесь не говорят.
Оно таким бывает редко очень.*

*Когда январский медленный рассвет
Крадётся по проснувшейся палате,
Мы знаем, что опять кого-то нет,
И ищем опустевшие кровати.*

*Сегодня – мой сосед... В ночи к нему
Позвали не врача, а санитаров.
...Теперь ты понимаешь,*

*Почему
Меня вторым укрывали одеялом!*

О «Блокаде» писали многие известные ленинградские поэты: «Книга Воронова после блокадных стихов, созданных Ольгой

Берггольц, может быть, одна из самых сильных книг о времени героическом и трагическом для великого города» (Сергей Орлов); «Во время страшных блокадных дней Юрий Воронов был мальчишкой по возрасту и бойцом по судьбе. И то, что было с Ленинградом, прошло через его душу и засело в ней навсегда... Он делает факт достоянием поэзии, и освещённое ею мужество становится достоянием сегодняшнего дня» (Михаил Дудин); «Юрий Воронов создал из простейших, казалось бы, поэтических нитей книгу о людях, наших современниках, гражданах города, и мы не можем читать её без волнения, без безмолвного восторга перед этими ленинградцами, перед этими обыкновенными советскими людьми, которые оказались такими необыкновенными, когда этого потребовало время. Есть небольшие книги большого звучания. Такова и книга Юрия Воронова “Блокада”» (Николай Тихонов).

Едва ли можно сказать лучше о творчестве поэта. И разве кто-нибудь и когда-нибудь посмеет забыть трагическую и героическую страницу истории города на Неве?..

*Рушится ночью небо, // Голод и стынь с рассвета...
Если бы я здесь не был, // Я б не поверил в это.*

*Как же непросто будет // Вновь обрести нам силы,
Чтобы поведать людям, // Что с Ленинградом было.*

И Юрий Воронов поведал о страшной странице Великой Отечественной войны мужественно и честно.

Написать эту статью меня подвиг один студент Белгородского госуниверситета. Он встретился со мной, чтобы показать стихи, которые начал сочинять. Мы разговорились. На удивление мой собеседник, в отличие от многих нынешних начинающих авторов, оказался человеком читающим. А когда я попросил назвать поэтов, чьё творчество ему близко, он одним из первых назвал Юрия Воронова и даже процитировал его строки. Оказывается, двадцатилетнему близки стихи о блокаде, о том, что было со страной и народом семьдесят пять лет назад! И, надеюсь, не ему одному.